1-1-1

Откуда вы приходите, слова, исполненные доброго доверья? По-моему, оттуда, где трава. По-моему, оттуда, где деревья. Нам переходы света и теней за древними лесными деревами покажутся резными теремами, возникшими из света и теней А дальше будет глуше и темней, и тропка лисья станет неприметной. Она и вправду стала неприметной, а все-таки давай пойдем по ней, пойдем на ощупь, ветки раздвигая. Эге-ге-гей! Ну где же вы, слова? «Слова, слова!..» вздыхают робко листья. и тропка поворачивает лисья туда, где в листьях прячется сова. А может, так же прячутся слова за пнями и замшелыми камнями? Слова — они, наверное, корнями, как дерева, уходят в глубину. И тропка нас уводит в старину, туда, где бродит пращур волосатый

444

по травам, не имеющим названья, где снег летит, не названный еще. поет еще не названная птица и звезды, у которых нет названья, в дремучих отражаются очах. И прашура охватывает трепет. едва доходит до его сознанья, какая тяжесть на его плечах. В нем глухо пробуждается художник. и, сладкие испытывая муки, он ждет вас, нерожденные слова. Он что-то удивительное лепит. мешая краски, запахи и звуки. Сначала это только смутный лепет, и вдруг он превращается в слова. Тогда травой становится трава, а этот сумрак зыблющийся — лесом, а этот холод падающий — снегом, а это чудо маленькое — птицей. И я беру из рук его слова. Они еще звенят, как тетива и как стрела, что пущена из лука. Они из цвета, запаха и звука. На них еще не высохла роса. В них травы отразились и деревья. И у меня кружится голова, пока я их несу тебе —

я.

слова, исполненные доброго доверья.

Древнее, неразгаданное пространство смотрит на землю холодно и бесстрастно. В темных глубинах маленькой светлой точкой спутник сейчас проходит орбитой точной. Чтоб заглянуть в безвестные те высоты, ни к чему ни двадцатый этаж, ни сотый. Лучик зеленый, парящий в туманных сферах, виден отчетливо в этих осенних скверах, где под грибком раскрашенным из фанеры утром играют в шашки пенсионеры, где возле булочной

пахнет горячей сдобой —

строгой и доброй.

здесь, на земле этой будничной,

А помню еще -

за звездным полетом

я наблюдал и в поле однажды

летом.

И был он так ясен

в поле

под черным небом,

в поле,

где сладко пахло

печеным хлебом.

где и доселе

темные эти дали

всё еще что-то помнили

о Дедале,

смутное что-то, темное

об Икаре,

что-то о божьем гневе,

о божьей каре.

Там, над обрывом,

тополи шелестели.

словно бы крылья

в небо взлететь хотели,

словно бы крылья

в небо взлететь пытались,

путались,

расплетались,

переплетались,

и за ночным овином,

за старой ригой,

где-то за дальним лугом,
над темным логом,
все раздавалось—
прыгай, Иване, прыгай!—
все шелестело—
с богом, Иване, с богом!

Женщина, которой ничего не нужно

Что вы с собой делаете?

Что вы себе думаете?

Ничего не делаете.

Ни о чем не думаете.

Пусто засыпаете.

Пусто просыпаетесь.

Да и то лишь кажется,

будто просыпаетесь.

В накуренном зеркале —

ваши руки дремлющие,

ваши губы дремлющие,

ничего не требующие.

И кровать спальная —

будто место лобное.

Что-то в груди треснуло.

Что-то в душе лопнуло.

Под упругим свитером

все мертво-мертвенно.

Сигарета с фильтром

дымит, дымит медленно.

А много ли истрачено

того тепла женского?

Давно война кончена,

и спросить не с кого.

А вы все боль копите,

в вине горе топите —

то ли горе топите,

то ли в море тонете.

Тонете, тонете,

уже не просыпаетесь,

и лишь на дне снится вам,

что вы просыпаетесь.

К птичьему прислушиваюсь крику. Вижу только море вдалеке. Море ходит. Море пишет книгу. Книгу о себе. О старике.

Сети. Сеть ошибок. Сеть сединок. Медленно стихающий прибой. Что такое старость? Поединок. С берегами. С временем. С судьбой.

Днища рассыхаются у лодок. Черный борт ракушками оброс.

1-11

Призрачность улова. Сеть уловок. Кто кого? Неведомо. Вопрос.

Как в корриде, перед мордой бычьей. Та же несущественность улик. Быть с добычей — или стать добычей. Только это. Выбор невелик.

Только это. Прочее — подробности. Этим и подробности полны. Ощущенье краткости и дробности. Напряженной сжатости волны.

Только волны. Волны, за которыми набегают волны, в свой черед. Это все подчеркнуто повторами. Взад-вперед. И снова — взад-вперед.

Белый — синий. Белый цвет и синий. Дни и годы. Годы и века. Та же повторяемость усилий. То же повторение рывка.

Поплавок неверен и обманчив. По воде расходятся круги. И тогда на свет выходит мальчик. Он глядит на свет из-под руки.

Сети. Сеть ошибок. Сеть сединок. Слабенькая детская рука. Вьется леска. Длится поединок. Лишь вода — темна и глубока.

Огонь

Печной огонь. Ночной огонь на Трубной. Ручной, и неопасный потому. А он живет своею жизнью трудной, и незачем завидовать ему. Не то что в керогазах в паровозах не смеет он считать себя огнем. Он всем необходим. Но в малых дозах. Чтоб суп варить. Чтоб руки греть на нем. Аунего огромные размеры, и, полумеры люто не терпя, он иногда теряет чувство меры, стремясь полнее выразить себя. Его солдаты яры и поджары.

Едва дозоры скроются на миг он тут как тут. Тогда гудят пожары. И разговор ведется напрямик. Одна вода, вода его тревожит. Она одна грозит ему бедой. Он все урегулировать не может взаимоотношения с водой. Тут он молчит. Он вынужден смиряться. Урчит печурка. Тлеет головня. И все-таки воздержимся смеяться над видимой покорностью огня.

Надпись на камне

Джордано Бруно

Даже в малые истины
людям не сразу верится.
И хотя моя истина
так проста и неоспорима,
но едва я сказал им,
что эта планета вертится,

я был тотчас же проклят

святыми отцами Рима.

Вышло так, что слова мои

рушат некие правила,

оскверняют душу

и тело бросают в озноб.

И стал я тогда

опасным агентом дьявола,

ниспровергателем

вечных земных основ.

На меня кандалы не надели,

чтоб греб на галере,

свой неслыханный грех

искупая в томительном плаванье, а сложили костер,

настоящий костер,

чтоб горели

мои грешные кости

в его очистительном пламени.

Я заглатывал воздух

еще не обугленным ртом.

Сизоватым удушливым дымом

полнеба завесило.

Поначалу обуглились ноги мои,

а потом

я горел, как свеча,

я потрескивал жутко и весело.

Но была моя правда

превыше земного огня

и святейших соборов, которыми труд мой не признан. О природа,

единственный бог мой!

Частица меня

пребывает в тебе

и пребудет

отныне и присно!

Остаюсь на костре.

Мне из пламени выйти нельзя.

Вот опять и опять

мои руки веревками вяжут.

Но горит мое сердце,

горит мое сердце, друзья,

и в глазах моих темных

горячие искорки пляшут.

Промельк мысли. Замысел рисунка. Поединок сердца и рассудка. Шахматная партия. Дуэль. Грозное ристалище. Подобье благородных рыцарских турниров — жребий брошен, сударь, нынче ваш

выбор — пистолеты или шпаги.

(Нотные линейки. Лист бумаги. Кисточка. Палитра. Карандаш. Холст и глина. Дерево и камень.)

Сердце и рассудок. Лед и пламень. Страсть и безошибочный расчет. Шахматная партия. Квадраты белые и черные. Утраты все невосполнимее к концу. Сердце, ты играешь безрассудно. Ты рискуешь. Ты теряешь в темпе. Это уже пахнет вечным шахом. Просто крахом пахнет, наконец. А рассудок — он играет точно (ход конем - как выпад на рапире!),он, рассудок, трезво рассуждает, все ходы он знает наперед. Вот он даже пешку не берет. Вот он даже сам предупреждает: что вы, сударь, что вы,

так нельзя.

шах, и вы теряете ферзя—
пропадает ваша королева!..
Но опять

все так же

где-то слева раздается мерный этот звук — тук да тук,

и снова —

тук да тук

(сердце бьется, сердце не сдается), тук да тук,

все громче,

тук да тук

(в ритме карандашного наброска, в ритме музыкального рисунка, в ритме хореической строки) — чтоб всей силой

страсти и порыва,

взрыва,

моментального прорыва, и, в конце концов, ценой разрыва победить, рассудку вопреки!

Вот мною не написанный рассказ. Его эскиз. Невидимый каркас. Расплывчатые контуры сюжета. А самого рассказа еще нет, хотя его навязчивый сюжет давно меня томит, повелевая — пиши меня, я вечный твой рассказ,

пиши меня (и это как приказ), пиши меня во что бы то ни стало!

Итак, рассказ о женщине. Рассказ о жениине. которая летала, и был ее спасительный полет отнюдь не цирковым аттракционом, а поиском опоры и крыла в могучем поле гравитационном земных ее бесчисленных тягот... Таков сюжет. уже который год томящий мою душу неотступно не оттого ль. что, как сказал поэт, я с давних пор, едва ль не с детских лет, непоправимо ранен женской долей, и след ее, как отсвет и как свет. как марево над утренней рекою, стоит почти за каждою строкою, когда-либо написанною мной?..

Таков рассказ. Его сюжет сквозной. О чем же он? О женщине. Одной.

(И не одной.) Навязчивый сюжет. томящий мою душу столько лет, неумолимо мне повелевая пиши меня. я вечный твой рассказ, пиши меня (не просьба, а приказ), я боль твоя. я точка болевая!... И я пишу. Всю жизнь его пишу. Пишу, пока живу. Пока дышу. О чем бы ни писал его пишу, ни на мгновенье не переставая.

Не там, где сходятся, где встреча и на ромашках ворожат, где, губ не пряча, не переча, уже собой не дорожат, — совсем не там, а много позже есть час, незнаемый тобой,

где две судьбы,

еще не схожих,

одной становятся судьбой.

А до того,

в горах плутая,

на крутизну,

под облака

тебя ведет тропа крутая,

не проторенная пока.

Секут дожди

и почву месят,

грозя обвалами камней.

...Который год,

который месяц

иду к тебе,

а ты ко мне.

О, как тропа моя извита,

иты на ней

в иные дни

то вдруг теряешься из виду,

ато —

лишь руку протяни.

И снова пропасть под ногами

непостижимой глубины,

и равнодушными снегами

мы, как стеной,

разделены.

В пути застигнуты пургою.

С дороги сбились.

Но весной все начинается другою, неповторимой новизной. И я смеюсь над буревалом, где страх меня одолевал, где я грустил, за перевалом увидев новый перевал. Ломая кромку ледяную, опять бежит моя тропа туда, где сходится вплотную с твоей судьбой

моя судьба.

1-1-1

Моя любовь к тебе — как горная вершина или волна солоноватая морская.

Все, чем я жил и чем живу, она вершила, ни на минуту от себя не отпуская.

Я видел, как она растет и как шагает, то сокрушительна, а то нетороплива. Она то стужей леденит, то обжигает, пора прилива у нее, пора отлива.

Она не бросит ни за что, но и не просит бежать за ней, когда за дверью непогода. Она раскинется тайгой, где нету просек, а то прикинется рекой, где нету брода.

А ты все так же дорожишь лишь небом синим. Зачем ты веришь в эту ложь, не понимаю, и так растерянно дрожишь под небом зимним, и так испуганно живешь от мая к маю.

С мокрой травы в лесу стряхиваю росу. Хочешь, стихотворенье из лесу принесу? В комнате, еще темной, чмокнешь во сне губами. Земляникою пахнет теплой? Сеном? Или грибами? Где-то кузнец стрекочет, травинка щеку щекочет тебя разбудить от солнца стихотворенье хочет. А ты все не просыпаешься, все ты не просыпаешься, одними губами сонными медленно улыбаешься: «Что, мол, опять за шалости? Нет в тебе, видно, жалости! Где же черты солидности, признаки возмужалости?..» Все это знаю издавна не к чему повторенье.

be.

Тихо выходим из дому —

я и стихотворенье.

Мутную тишь дремотную

ранняя птаха будит.

Нет у меня солидности,

видимо — и не будет.

Дачу еще не выстроил,

не обзавелся чином.

Толстую палку выстрогал

ножиком перочинным.

Иду не спеша, помалкиваю,

палкой своей помахиваю,

с мокрой травы в лесу

стряхиваю росу.

Лес лопочет у окна

в полудреме.

Женщина живет — одна

в чужом доме.

Дом не брошен, не забит.

Войди в сени -

и почувствуешь: забыт,

забыт всеми.

Полумрак и тишина,

ничего кроме.

Женщина живет — одна

в чужом доме.

На диване дремлет кот

ожирелый.

Муж ей дарит в Новый год

ожерелье.

Он ей много покупал,

много купит.

Тянутся к ее губам

его губы.

Занавешено окно,

постель постлана.

Все вокруг занесено.

Уже поздно.

Лес бормочет у окна

в ночной дреме.

Женщина живет — одна

в чужом доме.

Как медленно тебя я забывал! Не мог тебя забыть.

а забывал

Твой облик от меня отодвигался, он как бы расплывался,

уплывал,

дробился,

обволакивался тайною и таял у неближних берегов — и это все подобно было таянью, замедленному таянью снегов.

Все таяло

Я начал забывать твое лицо.

Сперва никак не мог глаза твои забыть,

а вот забыл, одно лишь имя все шепчу губами. Нам в тех лугах уж больше не бывать. Наш березняк насупился и смолк, и ветер на прощанье протрубил над нашими печальными дубами. И чем-то горьким пахнет от стогов, где звук моих шагов уже стихает. И капля по щеке моей стекает... О, медленное таянье снегов!

К морю стремился,
морем дышал на юге.
Но когда мое сердце
слушать начнут врачи —
они услышат отчетливо
посвист вьюги
и голос филина,
ухающего в ночи.
Бьет кабарга копытцами
дробно-дробно.

сохатого трубный зов.

Бьется над логом

Это Сибирь

в груди моей

дышит ровно

всей протяженностью

древних своих лесов.

Это во мне

снега по весне не тают

и ноздреватый наст

у краев примят.

Птицы Сибири

в груди у меня

летают.

Реки Сибири

в крови у меня

гремят.

Это во мне

медведи заводят игры,

грузно кряжи качаются

на волне.

Ветер низовый.

Кедры роняют иглы.

Хвойные иглы —

это во мне, во мне.

Это во мне поднялся

и не стихает

ветер низовый,

рвущийся напролом.

Смолка

по старой лиственнице стекает.

Бьет копалуха раненая крылом.

Я ухожу из вьюги, из белой вьюги. Лодка моя качается

на волне.

Еду куда-то.

Морем дышу на юге.

Белые вьюги

глухо гудят во мне.

Вдовы

Как части гарнизона, погибшего за Брест, — бессменно и бессонно несут они свой крест.

Без жалобы и вздоха, грядущему на суд, тебе на суд, эпоха, свой крест они несут.

Давно ушли мужчины от этих берегов. Оставили морщины. Оставили врагов.

Оставили негусто, уйдя в небытие. Нетленное искусство. Бессмертие свое...

Бессмертные романы. Посмертные листы. А между тем карманы пусты они, пусты.

Но вечно ждать готовы — всё ждут, что позовут, — седеющие вдовы надеждою живут.

Всё верят, что воздастся за совесть и за честь. Что рукопись издастся, и смогут все прочесть.

И что один приятель, им преданный навек, талантливый ваятель, но бедный человек,

украсит ту могилу, тот холмик некрутой, надгробною фигурой, гранитною плитой...

Посмертная страница. Бессмертная строка. Но все это хранится в безвестности пока.

Но вечно ждать готовы, всё ждут, что позовут, седеющие вдовы надеждою живут.

Живут, свое отплакав. Глотают стужу ртом. Платонов и Булгаков, мы встретимся потом.

Минуты этой ради хранят они года те общие тетради их общего труда.

Хранят светло и нежно, и всё у них в былом. Но вера и надежда сидят за их столом.

Все сущее мечено временем.

А вот замечается вновь, что время рифмуется с бременем,

с любовью соседствует кровь.

Старинные связи не сломлены и медленно сходят на нет так прочно они обусловлены всем опытом прожитых лет. Нам годы минувшие помнятся. не так наша память слаба. А все же смотрите, как полнятся значением новым слова. Иные уходят в предание, иные лишь стали верней. Я в будущем вижу братание не схожих по виду корней. Надежными узами связаны, сроднившись на все времена, там пальмы рифмуются с вязами, с планетою нашей — луна. И больше не кажется странностью, то детям известно давно, что время рифмуется с радостью, что людям созвучно добро.

Узнаю тебя, жизнь, принимаю...

Приближаясь к спокойному устью, оставляя все дальше исток, иногда с неосознанной грустью календарный срываю листок.

7-11

Я с непрожитых чисел снимаю отслужившее службу число, будто парус рукой поднимаю, заношу над водою весло.

И несут меня быстрые воды, только веслами крепче ударь, — и смещаются даты и годы, и летит со стены календарь.

Ты узнай меня, мама родная! Это я, в гимнастерку одет, прохожу от Днепра до Дуная и старею на тысячу лет.

Я усы фронтовые не брею. В них впитался махорочный дым. Я мужаю, взрослею, старею и опять становлюсь молодым.

Засыпаю при сполохах красных. Прохожу в перекрестном огне. И как будто два возраста разных по-соседски ужились во мне.

Так живут в сочетании света и осенней лесной полутьмы все приметы недавнего лета и предчувствие близкой зимы.

Будет вьюга.

Ах, зимняя вьюга, у тебя не отнимешь права! Но за вьюгой, легка и упруга, пробивается к солнцу трава.

Может, больше мой снег не растает, но жалеть ни о чем не могу. Пусть другая трава вырастает, перед той не оставшись в долгу.

Я глаза к небесам поднимаю. Заношу над водою весло. Не тужу ни о чем, понимаю, по каким меня рекам несло.

Езда в незнаемое

...Но землю с небом, умирая, он все никак связать не мог.

Никогда не наскучит
езда в незнаемое.
Днем и ночью идут поезда
в незнаемое.
Кто-то молча табак у окна
раскуривает.
Кто-то шумно бутылку вина
раскупоривает.

где клянется в верности.

Кто-то пишет письмо,

И на всем -

загадочный отблеск

вечности.

Это грустное дело —

езда в незнаемое.

Ведь не каждый приедет туда,

в незнаемое.

Кто-то ночью схолит

на тихой станции

и уже остается

на этой станции.

Полыхает небо

в туманной млечности.

И на всем –

обманчивый отблеск

вечности.

Но прекрасное дело —

езда в незнаемое!

За какой-то березкой,

давно знакомою,

в тишине открывается вдруг

незнаемое -

неизвестное.

странное,

незнакомое.

Осторожно вглядываемся

в незнакомое,

будто видим что-то в нем

незаконное.

А оно все ширится,

незнакомое,

еще в рамки привычности

не закованное.

О, сигнал отправления!

Ветер скорости.

Вечный путь от скованности

к раскованности.

Обновление жизни.

Езда в незнаемое.

Покатилась где-то звезда

в незнаемое.

Никакой законченности

и увенчанности.

Только этот

незыблемый отблеск

вечности.

Мое поколение

И убивали, и ранили пули, что были в нас посланы. Были мы в юности ранними,